

Время в эпистемологических конфигурациях М. Фуко

Ю. Л. Сироткин✉

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия

✉syurij75@gmail.com

Введение. В статье рассматриваются представления о времени и пространстве, изложенные в работах М. Фуко, раскрываются их природа и генезис. Предлагается анализ пространственно-временного континуума исторической ретроспективы в эпистемологических конфигурациях Фуко. Интерпретация представлений французского философа осуществляется в векторе антропологического дискурса. Статья свободна от нюансированности в изложении раскрываемой проблематики, что является результатом спецификации текстов Фуко. Целью данной статьи является аналитика пространственно-временного континуума в оригинальной интерпретации известного французского философа. Необходимость анализа вызвана отсутствием отечественных разработок пространственно-временной проблематики в философском наследии Фуко, стоявшего у истоков постнеклассического знания и оказавшего значительное влияние на становление постмодернистской парадигмы аналитики пространственно-временного континуума.

Методология и источники. Обзор взглядов Фуко на пространство-время осуществлен на основе авторской концепции единства человека и пространственно-временного континуума. Мы исходили из необходимости человеческого измерения пространства-времени, а также из того, что время-пространство рассматривается как антропологический феномен. Наш подход основан на том, что восприятие пространственно-временного континуума соотносится с изменениями человека. В соответствии с исходными идеями обоснованной концепции анализируется время-пространство в эпистемологических конфигурациях Фуко.

Результаты и обсуждение. Дискурс человекомерного пространства-времени и его антропологической природы позволяет представить взгляды Фуко в противоречивой целостности и инкорпорировать в нее те нередко взаимоисключающие послылы, которые формулировал философ. Антропологические основы аналитики позволяют констатировать оригинальность в постановке проблемы времени-пространства в познавательных моделях Фуко.

Заключение. Антропологическая природа в аналитике времени-пространства Фуко явилась одной из основ антропологизации подходов к анализу пространственно-временного континуума в постнеклассическом векторе эволюции французского структурализма и постмодернистской парадигме в целом (Делёз, Деррида и др.).

Ключевые слова: пространственно-временной континуум, историческое время, пространство, эпистема, прерывность, рассеивание, дискурс, язык.

Для цитирования: Сироткин Ю. Л. Время в эпистемологических конфигурациях М. Фуко // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 32–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-32-42

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 21.10.2020; принята после рецензирования 11.12.2020; опубликована онлайн 25.02.2021

© Сироткин Ю. Л., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Time in M. Foucault's Epistemological Configurations

Yuri L. Sirotkin✉

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia

✉syurij75@gmail.com

Introduction. The article examines the concepts of time and space set forth in the works of M. Foucault, reveals their nature and Genesis. An analysis of the space-time continuum of historical retrospect in Foucault's epistemological configurations is proposed. The interpretation of the French philosopher's ideas is carried out in the vector of anthropological discourse. The article is free from nuance in the presentation of the revealed issues, which is the result of the specification of Foucault's texts. The purpose of this article is to analyze the space-time continuum in the original interpretation of the famous French philosopher. The need for analysis is caused by the lack of domestic developments in space-time problems in the philosophical legacy of Foucault, who stood at the origins of post-non-classical knowledge and had a significant impact on the formation of the postmodern paradigm of space-time continuum analysis.

Methodology and sources. The review of Foucault's views on space-time is based on the author's concept of the unity of man and the space-time continuum. We proceeded from the need for a human dimension of space-time, as well as from the fact that time-space is considered as an anthropological phenomenon. Our approach is based on the fact that the perception of the space-time continuum correlates with human changes. Time-space in Foucault's epistemological configurations is analyzed in accordance with the initial ideas of the grounded concept.

Results and discussion. The discourse of human dimensional space-time and its anthropological nature allows us to present Foucault's views in a contradictory integrity and incorporate into it the often mutually exclusive messages that the philosopher formulated. The anthropological foundations of Analytics allow us to state the originality in the formulation of the time-space problem in Foucault's cognitive models.

Conclusion. The anthropological nature in the dimension of space-time Foucault was one of the foundations of anthropological approaches to the analysis of the space-time continuum in postnonclassical the evolution of French structuralism and post-modernist paradigm as a whole (Deleuze, Derrida, etc.).

Key words: space-time continuum, the historical time, space, episteme, discontinuity, dispersion, discourse, language.

For citation: Sirotkin Yu. L. Time in M. Foucault's Epistemological Configurations. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 32–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-32-42 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.10.2020; adopted after review 11.12.2020; published online 25.02.2021

Введение. Переход в постнеклассическую реальность предопределил изменение основных пластов бытия предметов познания: если классическое мышление предполагало обоснование пространства посредством времени, то современное сознание мыслит время посредством пространства. Основным способом бытия предметов познания становится темпоральность в историческом измерении, т. е. историческое время. М. Фуко (1926–1984) – один из тех французских философов, кто стоял у истоков радикальных перемен, изменивших познавательные конструкты. Равно противоречивый и неопределенный в постановках многочисленных проблем и более чем сдержанный в поиске и, тем более, в

обосновании путей и вариантов их решения и попытках их осуществления, Фуко берет за правило обозначать проблему, а не сосредотачиваться на поисках ее решения. Это именно тот случай, когда постановка проблемы не менее важна, чем ее решение. Одной из актуализированных проблем является проблематика статуса пространственно-временного континуума в исторической ретроспективе, нашедшая отражение в эпистемологических конструкциях М. Фуко. Причем Фуко признается, что отвергает «единообразную модель темпоризации» [1, с. 354], тем самым не ограничивает свободу интерпретаций и толкований собственных построений.

Особенностью мыслительных построений М. Фуко является их асистемность. Несмотря на неприятие концептуальности, Фуко делает фундаментальные обобщения, которые между тем невозможно структурировать в завершенную познавательную модель в силу их противоречивости предыдущим обобщениям, но, безусловно, значимым для исследуемой проблематики. Спецификация взглядов Фуко на познание не может быть проигнорирована. Относительно философского мышления декларируется, что оно более метаисторично, несмотря на причастность к истории. Поэтому акт философского мышления есть акт вечно настоящего, а «исторические описания неизбежно подчиняются современному состоянию знания» [1, с. 38]. Это процесс самообоснования. «Философское познание, – комментирует А. С. Колесников, – есть внутреннее усилие, постоянное вопрошание о своих предпосылках, абсолютное сомнение в них, и именно благодаря этому происходит ее самообоснование» [2, с. 19]. Философское познание определяется усилиями философского мышления, которое критически рефлексивирует относительно различных философских построений. Фуко с присущим ему своеобразием убедительно показал это в своих сочинениях [1, 3–5 и др.].

Методология и источники. Исходным основанием исследования явились положения философской антропологии о многомерной сущности человека и необходимости человеческого измерения пространственно-временного континуума. Анализ времени-пространства в эпистемологических конфигурациях Фуко предполагает человекомерность пространственно-временного континуума, что свидетельствует о его антропологической природе. В исследовании использовались следующие положения концепции единства человека и пространственно-временного континуума: антропологический смысл времени постигается его проживанием как преодолением; индивидуальное восприятие времени-пространства оформляет внутреннее пространство человека, наполняет его содержанием, имеющим конкретно-историческое значение; через познание пространства-времени человек познает собственную сущность и жизненные смыслы; восприятие времени имеет конкретно-исторический контекст [6, с. 368–369].

Постмодернистский вектор аналитики конституирует новый подход к времени-пространству, который расширяет и углубляет сложившиеся представления о восприятии человеком пространственно-временного континуума с учетом оригинальных интерпретаций знака, языка, нарратива, дискурса и бытия человека.

Результаты и обсуждение. Конфигурацию эпистемы как внутренней структуры пространства познания определяют согласно Фуко жизнь, труд и язык, законы функционирования которых отличаются от логических законов мышления. Проблема человека определяется настоящим как временем его антропологического бытия. Непрерывность взаимопо-

реходов между порядком мысли и порядком бытия обеспечивалась языком классической эпохи, утверждающим единство бытия-познания. Современная эпистема устраняет познающую инстанцию, возводя на ее место человека, ограниченного исторической эпохой в его формах тела, потребностях и языках. Историческая эпоха предполагает ограниченность времени; ограничения задаются содержанием жизни, трудом и его предметами, устраняя метафизику бесконечного. Человек настоящего олицетворяет единство эмпирического и трансцендентального. «Это значит, – уточняет Н. С. Автономова, – что только в человеке и через него происходит познание каких-либо эмпирических содержаний, и вместе с тем только в нем это познание обосновывается, поскольку именно в нем природное пространство живого тела связывается с историческим временем культуры» [7, с. 18]. Это одна особенность. Другая состоит в признании заблуждений и призыве к (само)познанию, что способствует обретению человеческого в человеке. Познание человеком самого себя в качестве обыкновенного/простого человека становится приоритетом. Человек бесконечен в самопознании; глубину познания себя определяет глубина мысли; мысль, выраженная в слове, становится практикой, осуществляемой в поступлении. Преодолев антропологические иллюзии классической эпохи, исключившей возможность человека в силу однородности и однообразия аналитических практик, человек обретает себя в новом качестве бытия, позволяющем надеяться на вновь обретаемое единство взамен единству утраченному. В этом видится перспектива антропологического дискурса.

Эпистемологический конструкт – это исторические эпохи, состоящие из периодов – временных отрезков, определяющих их характеристики и задающих вектор эволюции. Многообразие периодов складывается в эпохи. Изучение каждой эпохи может быть подчинено определенной схеме, предполагающей правила. Периоды располагаются внутри эпистемы, которых у Фуко три: Возрождение, Новое время и Современность. Единство эпохи достигается преодолением противоречивости ее элементов, выраженных в спорах и столкновениях. Оппозиционность не препятствует единству; она обеспечивает преемственность векторов эволюции. Принятая логика анализа приводит к выделению основной эпистемологической проблемы: человек и время.

Человек как историческая индивидуальность обречен действовать. Для осуществления действий в настоящем человеку необходимо знать свои возможности. Для того чтобы строить будущее, человеку следует знать собственное прошлое – время и пространство, которое определило его сегодняшнего. Выйти за пределы, ограниченные настоящим, человеку позволит погружение в прошлое, т. е. постижение исторического времени. Постигание истории предполагает не только знание, извлечение «уроков», но и переосмысление ее событийно-творческой канвы – линии. В множественности смыслов, векторной вариативности, разнообразии подходов и потенциальных решений заключены возможности истории, которые частично реализованы, а отчасти упущены.

Историческое время инкорпорирует эволюцию человека и его типов, историю общества, науки, культуры и т. д. Множественность векторов эволюции предоставляет возможность обоснования альтернатив, но не умаляет достижений и/или неудач человека конкретно-исторической эпохи как ее субъекта, вне которого исторический процесс обезличивается, а историческое время утрачивает смысл в силу антропологической природы.

Обращаясь к тезису Фуко об «исчезновении» человека, констатируем, что речь в контексте разрываемого анализа идет о преодолении гуманистической установки на идеал, возможный лишь в абстрагировании человеческой природы и создании модели, не соответствующей реальному и объективному положению человека, в том числе в системе социально-антропологических координат. Субъект ставится под сомнение с целью преодолеть его как описательную конструкцию. Фуко манифестирует о кризисе современных ему представлений о человеке, но не говорит о том, какой человек должен занять место предшественника в пространстве «индивидуализированного общества» (З. Бауман). Время Фуко еще не высветило грани постэкономического человека, не говоря уже о проявлении его базовых характеристик [6, с. 257–283].

Структурирующим механизмом эпох (эпистем по Фуко) являются человек как историческая индивидуальность и его социальные типы [6, с. 95–201]. В контексте разрываемой гипотетической модели серьезное значение приобретает анализ прерывностей исторического времени / критических периодов истории при переходе от одной эпохи к другой и их преемственности в отношении становления и развития исторической индивидуальности и ее типов. Связующим звеном прерывностей-переходов является человек, анализируемый в контексте эволюционных/революционных изменений как в плане деконструкции-реконструкции мыслительных парадигм, так и в плане оформления образов, воспринимаемых общественным сознанием. Целесообразно обратить внимание на дополнительное обстоятельство. Прерывность определяется не только применительно к историческому времени, но и в отношении мышления и культуры. Прерывность – «то есть то, что иногда всего лишь за несколько лет какая-то культура перестает мыслить на прежний лад и начинает мыслить иначе и иное» [3, с. 85], – обозначает пространство, находящееся по ту сторону мысли, но изначально существующее и определяющее мысль. Прерывность, таким образом, имеет пространственно-временные характеристики. Исторические разрывы универсализируются и используются Фуко для анализа истории науки, в частности истории психиатрии [4].

М. Фуко неоднократно повторяет: историческое время состоит из отрезков, которые прерывны. Однако прерывность всячески устранялась историками, что вменялось им в обязанность. Такое положение оказалось устойчивым для классической науки, к которой принадлежит история, в том числе этого требовал «необходимый коррелят основополагающей деятельности субъекта» [1, с. 52]. Историческое сознание пребывало в дискурсе непрерывности; оно создало первичного субъекта становления истории. Время понималось в терминах обобщения, а непрерывность означала единство исторического времени. Эвристическая ситуация изменилась и теперь прерывность «стала одним из основных элементов исторического анализа» [1, с. 45]. В распоряжении Фуко оказываются достаточно весомые аргументы для обоснования тройной роли прерывности [1]. В нашей интерпретации прерывность означает промежутки между циклами, т. е. используя устоявшийся термин – переходные эпохи. Прерывность отделяет не только времена, но и разделяет пространства. Прерывность есть специфицирующие явления в пространстве; непрерывность индивидуализирует их во времени. Единство обеспечивает целостность восприятия пространственно-временного континуума в исторической ретроспективе. В отношении единства Фуко непостоянен. Ставя под сомнение единство, Фуко констатирует, что не отказы-

вается от единства, но получает «возможность описать иные единства <...> через совокупность уже освоенных форм принятия решений» [1, с. 76]. Основу описания образует отказ «от форм группирования элементов, выдающих себя за естественные, непосредственные и универсальные единства» [1] и включенных в замысел описания дискурсивных событий.

В отношении исторического анализа Фуко вводит в оборот понятия прерывности и различия, разрыва и преобразований, описание рядов и границ. Введенные понятия-феномены преследуют цель переформатирования истории в смыслах рассеивания. Субъект восстанавливает цепочку умозаключений и рассматривает ее как звенья единой цепи соотносительно сосуществующих понятий. Поиски дискурса «в поле закономерности для различных позиций субъективности» позволяют свидетельствовать о рассеивании субъекта и его прерывности по отношению к самому себе. Дискурс приобретает пространственные характеристики; он становится «пространством взаимодействий внешнего характера, где разворачивается сеть отдельных местоположений» [1, с. 119]. Поведение людей сводится к различным способам разметки пространства, в котором находятся объекты и явления. Дискурсы выступают не только как совокупность знаний, но и как практики, свидетельствующие об объектах, которые они образовали. Язык как метафора обозначает взаимоотношение продуктов духовной культуры.

Фуко предполагает постижение истории через дискурс. Дискурс – это мера измерения времени и форма его воспроизведения (воссоздания). По своей природе дискурс историчен. Это «фрагмент истории, единство и непрерывность в самой истории» [1, с. 223]. Дискурс ставит проблему «специфических модусов своей темпоральности, чем своего неожиданного возникновения посреди соучастного времени» [1, с. 223–224]. Дискурс предполагает высказывание. «Дискурсивная практика – это совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [1, с. 224]. История воссоздается в том, что было сказано. Это означает «проследить в обратном порядке процесс выражения: спуститься вдоль сохраненных во времени и рассеянных в пространстве высказываний к тому внутреннему тайному содержанию, которое им предшествовало, в них отложилось и в них же оказывается обнаруженным, выданным и преданным» [1, с. 230]. Возможно, таким образом, откроется тайна субъективности. Высказывание не только содержит, но и создает прошлое, объясняет то, что предшествует событиям, делающим его возможным, отклоняет то, что преодолено. У высказывания, как видим, имеются своеобразные отношения со временем. Имеется определенный статус и место, что обеспечивает высказыванию «возможные отношения с прошлым и открывает ему вероятное будущее» [1, с. 191]. Не менее важно, что высказывание фиксирует в себе событие, которое не повторяется, так как обладает временной и пространственной единичностью.

Высказывания рассеиваются во времени: а) последовательность событий становится объектом дискурса; принцип сочленения дискурса обнаруживает цепь последовательных событий; б) субординация событий включает в себе вектор времени. Предлагаемая Фуко археология не принимает в качестве модели логическую схему одновременности и линейную последовательность событий; она обращает внимание на пересечение последователь-

ности отношений и отношений вообще; она выделяет временные векторы депривации. Археология демонстрирует отказ от линейной модели речи, т. е. от описания последовательной событийности и от модели потока сознания, «настоящее которого всегда ускользает от самого себя, переходя в претворение будущего и удержание прошлого» [1, с. 305]. Археология знаний превращается в практику собственных форм последовательности, т. е. хронологию высказываний.

Фуко исходит из «антропологии конкретного человека». В авторском оформлении трактовка «антропологии» весьма своеобразна. Идея субъекта интерпретируется как трансформация самого себя через формирование знания. Субъект для Фуко становится точкой пересечения дискурсов и определяется языковыми практиками, которые немислимы без текста/нарратива и дискурса. Фуко стремится к преодолению пережитого опыта повседневности, к которому апеллировала феноменологическая традиция. Целью изживания является приближение к тому, что нельзя пережить средствами достижения экзистенциальной точки. «Опыт понимается Фуко как некий предел, функция которого заключается в том, чтобы вырвать субъекта у него самого» [2, с. 12]. Проблематизируется «антропология выражения», которая основана на онтологическом размышлении о присутствии в бытии. Цель этой антропологии – определиться в отношениях между смыслом и символом, образом и выражением.

Понятие «эпистема» используется Фуко для создания особой конфигурации «слов», «вещей» и «представлений», целью которой являются условия возможности знаний. Объем и ресурсы знаний ограничены определенной исторической эпохой. Знания эволюционируют от одной эпистемы к другой. Эпистемы образуют общее пространство знания. За эпистемами, дискурсивными практиками исчезает мыслящий в универсальной форме субъект. Человек лишается статуса субъекта, что означает отсутствие возможности субъективирования в процессах, имеющих человекомерный характер. Вероятно, Фуко осознавал потенциальный парадокс. Поэтому не исключал присутствие субъекта, допуская возможность участия в процессах, сопровождающих его жизнь. Фуко сосредоточил интерес на вопросе о том, посредством каких практик человек конституируется в качестве определенной исторической формы субъекта. Для Фуко это форма, имеющая исторически изменчивую конституцию. Иначе говоря, исторический субъект обладает способностью самоформирования. Человек остается у Фуко в историческом времени в качестве его субъекта. Субъект становится изменчивой исторической и культурной реальностью.

В исторической ретроспективе время сопряжено с пространством. Это историческое время и пространство истории. Время и пространство у Фуко континуально. История, как известно, интегрирована в пространство познания. Фуко предлагает обратиться к общему пространству знания. Пространство для Фуко определяется «синтаксическими последовательностями» [3, с. 47]. Пространство соотносится с формами подобия, одной из которых является аналогия. Положение человека в пространстве своеобразно. «Пространство аналогии является, по сути, пространством распространения. Человек полностью замыкается на самом себе; однако этот же человек, наоборот, передает сходства, полученные им от мира. Он является великим средоточием соотношений – центром, где различные соотношения сосредоточиваются и откуда они излучаются снова» [3, с. 60]. Человек становится пространствообразующим элементом; пространство замыкается на человеке; человек

замыкает на себе пространство, которое обретает признаки антропологического феномена и характеризуется как человекомерное. Такое положение человека в историческом времени-пространстве ограничивается временным промежутком со специфической социокультурной ситуацией, определенной Фуко в качестве Возрожденческой эпистемы.

В антропологическом ключе раскрывается соотношение времени-пространства и языка. Фуко показал, что движение истории является результатом «фундаментального соотношения пространства и языка». «Постоянному разрыву времени язык придает непрерывность пространства, и именно в той мере, в какой он анализирует, сочленяет и расчленяет представление, он имеет возможность связывать посредством времени познание вещей» [3, с. 147]. Знак, язык, нарратив позволяют обозреть время и развернуть пространство. Язык утверждает порядок в пространстве [3, с. 116]; с XVII в. изменяется отношение языка ко времени; языки развертывают представления; время для языка становится «его внутренним способом анализа» [3, с. 123]. Время обретает для языка значение «внутреннего элемента» [3, с. 124]. Пространство истории тождественно пространству языка; пространство заканчивается в словах, становящихся его границей.

Предназначение пространства Фуко видит в укреплении иной системы власти – власти над человеком как биологическим видом. Пространство служит для установления всеобъемлющего контроля власти над человеком. Одной из важнейших технологий власти становится «дисциплинарная власть». Дисциплинарная власть требует замкнутого пространства. Но не менее значимо ее тяготение к преодолению пространственных границ, «к разложению групп и масс на элементарные составляющие – индивидов – и к сопоставлению каждого индивида и строго определенного места. Она не терпит диффузной циркуляции индивидов, опасных и бесполезных сбиваний в кучки. Каждый индивид должен быть всегда на своем месте, каждого в любой момент можно найти, проконтролировать – и более полно использовать» [8, с. 15]. Каждый индивид имеет свое место в дисциплинарном пространстве, что соответствует его рангу в классификации, утвержденной дисциплинарной властью [5].

Видение дисциплинарного пространства Фуко получило отражение в работах российских философов. В. А. Подорога считает, что дисциплинарное пространство сопоставимо с пространством «вне жизни». В этом пространстве человек «бьется о время», находясь вне времени. Техника дисциплинарного пространства – «это набор определенных средств насилия, которыми располагает институт или организация, отдельная личность, чтобы принуждать некое множество человеческих существ к определенному поведению и труду в крайне ограниченном пространстве» [9, с. 20]. Эта техника распространяется на множество пространств (социальное, экономическое и т. д.). Результатом использования дисциплинарных техник являются соответствующие условия, в которых закономерно возрастает значимость приватного пространства как пространства сохранения человечности и потенциала саморазвития [10]. Иное дело лагерное/репрессивное пространство, которое, как показывает В. А. Подорога, становится пространством выживания. Человек, побывавший в репрессивном пространстве, делит время на до и после. Он теряет ориентацию в пространстве-времени вследствие шока от пребывания в изоляции и распадается. Распад происходит в пространстве без очерченных границ, где время ускоряется и мигает. Это состояние определяется как отрицательная антропология [9, с. 68].

Вернемся к Фуко, от которого, впрочем, мы не настолько удалились, как это может показаться. В «Истории безумия» пространство изоляции одновременно и реальное, и искусственное; в нем выделяются «зоны пространственной удаленности и бездействия души» [4, с. 409]. Фуко превращает пространство изоляции в сакральное пространство, в пространство чуда, в пустое пространство. Пространство изоляции требует преодоления и придания ему некоего «положительного смысла» [4, с. 424].

Что касается пространства, обратим внимание, что для Фуко оно есть преимущественно пространство анализа. В XVIII в. пространство порядка разрывается (внесем уточнение: речь идет о пространстве представлений, расчленяющих время и вещи, которые оно производит). Наблюдается «уход знания и мысли за пределы пространства представления», что в положительной части ориентируется на рефлексивность субъективности. К слову, в эпистемологическом смысле человек как таковой отсутствовал вплоть до XVIII в. Иначе говоря, он не осознавался. Осознание человека возникает там, где возникает «эмпирико-трансцендентальная двойственность» [3, с. 340], т. е. на границе современной эпохи; она же обозначает эту границу. Правда, в другом месте и по другому поводу Фуко утверждает, что «человек возник в начале XIX в.» [3, с. 350]. (Мы, однако, осмелились не обращать внимание на столь «незначительные» расхождения, которые, впрочем, не единичны.) Не будучи голословными, к сказанному добавим мимоходом оброненную фразу о том, что гуманитарные науки – «это вообще не науки» [3, с. 385], или «Мера – не время, а время, сообразуемое с конечной целью» [5, с. 357], или утверждение о том, что историчность человека существует «на некоем глубинном уровне» [5, с. 388]. Ограничиваясь сказанным и избегая полемики, не можем не спросить: что это за глубинный уровень и чем измеряется его глубина?

Неадекватность формулировок касается не только фраз и сомнительных утверждений, но и выдвинутых положений, относящихся непосредственно к анализируемой в статье проблематике. Например, конечность человеческого бытия означает «конечность без бесконечности, т. е. конечность, никогда не кончающуюся <...>, у которой всегда есть время, чтобы переосмыслить то, что она уже помыслила» [3, с. 390]. Мы не интерпретируем и не комментируем подобные положения, оставляя за собой право считать поиски содержащегося в них смысла пустой затеей, которая приглашает нас поучаствовать в имитированной философом игре, скорее провокационной, чем продуктивной. Для предпринятого изложения важнее утверждение о том, что «человек – это не столько зарубка, отмечающая мгновение в длительности, это открытость, исходя из которой только и может строиться время, изливаясь длительность» [3, с. 353]. Человек оказывается вместилищем пространственно-временного континуума, определяя его антропологическую природу. По одной из гипотез Фуко время есть результат внеисторического разрыва. Время мыслится как первоначало, которое означает «возврат всегда – уже – начавшегося». Так первоначало обрисовывается на фоне времени, с вечно отступающей линией горизонта, что свидетельствует о его бесконечности.

Область первоначального, «которая сочленяет человеческий опыт с временем природы и жизни, с историей, с напластованиями культурного прошлого», позволяет мысли предпринять попытку «воссоздать человека во всей его самоидентичности – в той полноте или в той пустоте, каковой сам он является; воссоздать историю и время в том самом

повторении, которое они делают невозможным, но к которому она понуждает мысль; и воссоздать само бытие в том, что оно есть» [3, с. 355]. Событийная хронология разворачивается в соответствии со временем, выявляющим связность событий. временем является человек, которому время дано в опыте. Это время отлично от философски представляемого времени. Соотношение представления и времени дает возможность «восстановить время во всей его целостности» [3, с. 356]. На этом основании покоится философия исторического времени, антропологический ресурс которого находится в начале освоения. Человек оказался лишенным истории – справедливо утверждает Фуко – и поэтому стремится ее обнаружить в самом себе; это та историчность, которая сущностно близка ему. Мы в отличие от Фуко не видим в этом утверждении двусмысленности [3, с. 387]. Более определенного суждения у Фуко нам обнаружить не удалось.

Заключение. Аналитика пространства-времени, содержащаяся в эпистемологических конфигурациях Фуко, позволяет сделать следующее обобщение. Представления Фуко о пространстве-времени находятся в основании постнеклассической парадигмы анализа пространственно-временного континуума, с обнаруживаемыми элементами постмодернистской интерпретации. Фуко преследовал цель подступиться к «вопросам мысли будущего» путем опережающей проблематизации. В чем отчасти преуспел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. 2-е изд., испр. СПб.: Гуманитарная Академия, 2012.
2. Колесников А. С. Мишель Фуко и его «Археология знания» // М. Фуко. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. 2-е изд., испр. СПб.: Гуманитарная Академия, 2012. С. 5–30.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. К. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: AdMarginem, 1999.
6. Сироткин Ю. Л. Человек и время. Философско-антропологический дискурс. Казань: КЮИ МВД России, 2017.
7. Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // М. Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994. С. 7–27.
8. Сокулер З. А. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени // М. Фуко. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. К. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 5–20.
9. Подорога В. А. Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. М.: Рипол-классик, 2017.
10. Сироткин Ю. Л. Антропоцентрический принцип категоризации приватного пространства // Вестн. КазГУКИ. 2019. № 4. С. 6–14.

Информация об авторе.

Сироткин Юрий Львович – кандидат социологических наук (2000), доцент (2012), доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, ул. Магистральная, д. 35, Казань, 420108, Россия. Автор

72 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, социальная философия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>. E-mail: syurij75@gmail.com

REFERENCES

1. Foucault, M. (2012), *Arkheologiya znaniya* [L'Archéologie du savoir], Transl. by Rakova, M.B. and Serebryannikova, A.Yu., 2nd ed., Gumanitarnaya Akademiya, SPb., RUS.
2. Kolesnikov, A.S. (2012), "Michel Foucault and his "Archeology of Knowledge"", *Arkheologiya znaniya* [L'Archéologie du savoir], Transl. by Rakova, M.B. and Serebryannikova, A.Yu., 2nd ed., Gumanitarnaya Akademiya, SPb., RUS, pp. 5–30.
3. Foucault, M. (1994), *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Les Mots et les Choses. Archeologie des science humaines], Transl. by Vizgin, V.P. and Avtonomova, N.S., A-cad, SPb., RUS.
4. Foucault, M. (1997), *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Histoire de la folie à l'âge classique], Transl. by Staf, I.K., Universitetskaya kniga, SPb., RUS.
5. Foucault, M. (1999), *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Surveiller et punir: Naissance de la Prison], Transl. by Naumov, V., in Borisova, I. (ed.), AdMarginem, Moscow, RUS.
6. Sirotkin, Yu.L. (2017), *Chelovek i vremya. Filosofsko-antropologicheskii diskurs* [Human and time. Philosophical and anthropological discourse], Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan', RUS.
7. Avtonomova, N.S. (1994), "Michel Foucault and his book "Les Mots et les Choses"", *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Les Mots et les Choses. Archeologie des science humaines], Transl. by Vizgin, V.P. and Avtonomova, N.S., A-cad, SPb., RUS, pp. 7–27.
8. Sokuler, Z.A. (1997), "The structure of subjectivity, drawings in the sand and waves of time", *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Histoire de la folie à l'âge classique], Transl. by Staf, I.K., Universitetskaya kniga, SPb., RUS, pp. 5–20.
9. Podoroga, V.A. (2017), *Vremya posle. Osventsim i GULAG: myslit' absol'yutnoe zlo* [Time after. Auschwitz and the Gulag: thinking absolute evil], RIPOL classic, Moscow, RUS.
10. Sirotkin, Yu.L. (2019), "Anthropological Principle of Private Space Categorization", Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts, no. 4, pp. 6–14.

Information about the author.

Yuri L. Sirotkin – Can. Sci. (Sociology) (2000), Docent (2012), Associate Professor at the Department of philosophy, political science, sociology and psychology, Kazan Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, 35 Magistral'naya str., Kazan 420108, Russia. The author of 72 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, social philosophy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>. E-mail: syurij75@gmail.com